

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ
ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Отв. ред. Д.Б. Никуличева

Москва – 2017

Утверждено к печати
Федеральным государственным бюджетным учреждением
Российской академии наук
Институтом языкознания РАН

Рецензенты:

д.ф.н. Т.Н. Дренясова (МГЛУ)
к.ф.н. Н.Н. Трошина (ИНИОН РАН)

Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. Коллективная монография / Отв. ред. Д.Б. Никуличева. Ред. колл.: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев, В.И. Карпов, Е.Б. Кротова, Т.В. Топорова, Е.Б. Яковенко. М., Изд-во «Канцлер» 2017. – 286 с.

Ответственный редактор Д.Б. Никуличева

Редакционная коллегия: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев, В.И. Карпов,
Е.Б. Кротова, Т.В. Топорова, Е.Б. Яковенко.

В коллективной монографии рассматриваются проявления человеческого фактора в грамматическом строе германских языков. На материале языков германской группы исследуется то, как формирование грамматических смыслов соотносится с восприятием человека и его когнитивной; обсуждается роль человеческого фактора в изменениях, отмечаемых в языках германского ареала на синхронном срезе; анализируются категории межличностной коммуникации, представленные в грамматических системах германских языков, изучается влияние личности повествователя, исследователя и переводчика на языковые особенности текстов, создававшихся в разные периоды истории германских языков.

ISBN 978-5-91730-715-2

© Институт языкознания РАН, 2017

Оглавление

Предисловие. Человеческий фактор в исследовании германских языков.
Д.Б. Никуличева 5

I

Перцептивные основы грамматической категоризации

- 1.1. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии. *М.Л. Котин* 9
1.2. Категориальные формы немецкого глагола сквозь призму говорящего. *Ж.К. Гух* 17
1.3. Датские пространственные предлоги как отражение вербальной ориентации говорящего во времени. *Д.Б. Никуличева* 26

II

Когнитивные основы метафорической, грамматической и лексической категоризации

- 2.1. Концептуальные основания лексических и грамматических категорий: сходства и различия. *Е.Г. Беляевская* 40
2.2. Специфика реализации грамматического потенциала фразеологии в свете понятия фразеологической креативности: от лексических категорий к грамматическим. *И.В. Зыкова* 49
2.3. Роль концептуальных метафор в формировании лексических представлений времени в английском языке. *А.Д. Донченко* 57
2.4. Английские словосочетания типа thrilling moment и thrilled moment как средство выражения субъективного темпорального опыта. *А.В. Нагорная* 64
2.5. Антропоцентрическая метафора в научной прозе: текстовое функционирование и эвристический потенциал. *Е.В. Терехова, Т.Н. Великода* 76

III

Факторы грамматических изменений в современных германских языках

- 3.1. Грамматикализация как стратифицирующий фактор категориальной семантики в современном немецком языке. *Н.А. Голубева* 81
3.2. Когнитивные и коммуникативные аспекты функциональной переориентации единиц современного английского языка. *А.Э. Левицкий* 90
3.3. Сентенциональное поле и структурирование синтаксических единиц. *Л.М. Ковалева* 98
3.4. Особенности взаимодействия грамматики и семантики общего/среднего рода в скандинавских языках. *Е.М. Чекалина* 103

- 3.5. Глобализация английского языка и изменения в грамматических системах контактирующих языков. *А.А. Ривлина* 111
 3.6. Денглиш в интернет-коммуникации. *Р.К. Потапова, В.В. Потапов* 123

IV

Грамматика межличностной коммуникации

- 4.1. Языковые средства выражения социального дейксиса в современном английском языке. *С.Ю. Богданова* 135
 4.2. Эволюция вежливого обращения в нидерландском языке. *А.Л. Зеленецкий* 145
 4.3. Антропоцентричность модальных частиц в немецком языке. *А.В. Аверина* 157
 4.4. Эмфаза и средства ее выражения в современном шведском языке. *Е.Л. Жильцова* 166
 4.5. Прагматические особенности высказываний с датским неопределённым местоимением *noget*. *А.А. Немцева* 174

V

Субъект повествователя и субъект исследователя: языковые проявления в тексте

- 5.1. О субъективности жанра прорицания и языковых способах выражения субъекта в «Прорицании вельвы». *Т.В. Топорова* 181
 5.2. Юридический субъект и грамматическое подлежащее в юридических текстах немецко-русских контактов XII-XIV веков. *Е.Р. Сквайрс* 193
 5.3. Грамматические маркеры узусов немецких первопечатников. *С.И. Дубинин* 203
 5.4. Критерий ясности как основа концепции грамматической правильности в грамматиках английского языка эпохи Просвещения. *Н.Н. Германова* 222
 5.5. Отпричастные семантические образования в лексикографической перспективе. *Е.А. Кондакова, Е.В. Морозова* 230
 5.6. Омонимия и проблемы разметки электронных корпусов. *Е.Б. Кротова*

VI

Переводческие решения и грамматика перевода

- 6.1. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке. *Е.Б. Яковенко* 257
 6.2. Мотивы переводческого решения при передаче предикативности: русский и английский языки. *О.А. Сулейманова* 265
 6.3. Проблема синтаксической вариативности при изучении художественного перевода. *В.А. Нуриев* 273
Contents 284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человеческий фактор в исследовании германских языков

Предлагаемая коллективная монография обобщает результаты исследований, представленных на V лингвистических чтениях памяти В.Н. Ярцевой. Их тематика была посвящена проявлениям человеческого фактора в грамматическом строе германских языков. Сразу следует оговориться, что в трудах Виктории Николаевны Ярцевой термин «антропоцентризм» не использовался. Доминирующей лингвистической парадигмой периода, к которому относится научное творчество Виктории Николаевны, было изучение языка как системно-структурного образования и описание факторов исторической эволюции языков как целостных грамматических систем. Одним из наиболее важных для нее направлений лингвистических исследований являлось изучение процессов грамматической категоризации на протяжении истории германских языков. В частности, ее интересовали преобразования разных типов глагольных словосочетаний в истории английского языка, приводящие, с одной стороны, к формированию новых грамматических категорий, а с другой стороны, благодаря различным формам лексикализации, – к образованию лексико-грамматических конструкций фразеологического характера.

Лингвистика конца XX – начала XXI века представила процессы языковой категоризации в новом – антропоцентрическом – ракурсе. Категоризация, как отмечает Е.Г. Беляевская в разделе **о когнитивных основах грамматической категоризации**, стала соотноситься «не столько с самими классами-категориями и критериями их выделения, сколько с когнитивными процессами формирования категорий» (с. 40). В результате основной задачей когнитивной лингвистики сделалось изучение того, «как человек осуществляет категоризацию». При этом обращает на себя внимание неполнота и неравномерность использования антропоцентрического подхода к явлениям языка. Этот подход, активно применяемый при анализе лексики, «оказывается значительно менее популярным при работе с грамматическими явлениями и практически невостребованным при комплексном анализе единиц, принадлежащих разным уровням языковой системы» (с. 64), замечает в своей статье А.В. Нагорная.

Задача предлагаемого коллективного труда состоит в том, чтобы на примере анализа материала языков германской группы показать, как формирование грамматических смыслов соотносится с перцепцией человека и его когнитивной; какова роль человеческого фактора в грамматических изменениях, отмечаемых на синхронном срезе в языках германского ареала; какие категории межличностной коммуникации находят отражение в грамматиче-

Отпричастные семантические образования в лексикографической перспективе¹

Der vorliegende Beitrag ist einem Problem gewidmet, mit dessen Lösung sich Lexikographen, die an dem Akademischen deutsch-russischen Wörterbuch arbeiten, konfrontiert sehen und das die lexikographische Beschreibung von Partizipien betrifft. Die Autorinnen des Beitrags schlagen vor, auf die gängige Kennzeichnung *part adj* (partizipiales Adjektiv) komplett zu verzichten und sie durch die Kennzeichnung *a* (Adjektiv) zu ersetzen. Die auf die Partizipien bezogenen Eintragsinformationen werden dementsprechend in zwei funktionale Homonyme aufgeteilt, wobei die Semantisierung des ersten Homonyms die kategoriale Bedeutung des Partizips erfasst und die Beschreibung des zweiten Homonyms alle hybriden semantischen Einheiten beinhaltet, deren Bedeutung über die kategoriale hinaus geht.

Любое лексикографическое описание языка должно соответствовать двум разнонаправленным запросам пользователя. С одной стороны, от словаря ожидается максимальная полнота, то есть фиксация и толкование как можно большего количества языковых единиц и явлений. С другой стороны, любая инвентаризация становится необозримой, если она не опирается на четкую классификацию и категоризацию описываемых явлений. Поэтому от лексикографического описания ожидается особая концептуальная целостность и последовательность. Каждая лексическая единица должна быть инвентаризирована в концептуально обоснованных и единых осях координат лингвистического описания. Однако очевидно, что многие языковые факты обладают разнохарактерными, подчас взаимоисключающими, особенностями, отличаются настолько большой полифункциональностью в речи и столь диффузными семантическими свойствами, что любая попытка поместить данный языковой факт в ячейку с четко очерченной лингвистической маркировкой неизбежно приведет к упрощению, а, следовательно, и искажению реальных языковых процессов. Подобная двойственная направленность лексикографического описания заставляет авторов словарей искать концептуальные компромиссы между стремлением «академически» унифицировать разнохарактерный языковой

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 160400219

факт и стремлением дать как можно более подробную «прикладную» картину его, нередко противоречивого, использования. Особенно это касается тех вопросов, на которые современное языкознание может предложить пользователю целый ряд взаимоисключающих ответов, то есть таких вопросов, которые были и остаются дискуссионными. Очевидно, что такая «вечная» дискуссионность не должна препятствовать лексикографированию в целом и выбору речевых решений пользователем в частности.

Поиск компромиссного решения естественным образом ставит вопрос о степени свободы лексикографа в выборе той или иной стратегии лексикографического описания. С одной стороны, автор словаря ограничен заданным форматом, то есть установленными заранее типологическими характеристиками издания. Этот набор характеристик лексикограф не вправе расширять или сокращать по своему усмотрению. Так, например, концепция академического двуязычного словаря предполагает наличие орфографического, фонетического, грамматического, структурно-семантического, стилистического, фразеологического и, при необходимости, других параметров. С другой стороны, несмотря на строгие заданные параметры, лексикографическое описание, как и любое другое описание языка, является субъективным. Причем субъективность здесь следует трактовать как проявление антропоцентризма в самом широком смысле этого слова. Лексикографическое описание не может быть абсолютно объективным за счет присутствия в нем, во-первых, личности лексикографа как мыслящего субъекта и, во-вторых, за счет ориентации словаря на пользователя. Субъективность как неотъемлемое свойство лексикографического описания и реализация свойственного ему антропоцентризма проявляется в отдельных сегментах словарной статьи в разной степени. Очевидно, что переводческой и иллюстративной зонам словарной статьи более свойственны субъективированные толкования, нежели, например, грамматическим пометам. Однако спорные случаи грамматической трактовки языковых фактов побуждают лексикографа к принятию той или иной традиционной точки зрения или к поиску некоего концептуального компромисса. В выборе новой грамматической пометы реализуется ментальный взгляд автора словаря на характер концептуальных разногласий и суть самого языкового факта, а следовательно, проявляется свойственное всем лексикографическим текстам качество – субъективность.

Одной из наиболее сложных для теоретического обобщения и лексикографической интерпретации грамматических категорий является причастие. Оно обладает двойственными лексико-грамматическими характеристиками, отличается большой структурно-семантической диффузностью и полифункциональностью. Особая сложность и разнохарактерность свойств этого языкового факта порождает

непрекращающуюся лингвистическую дискуссию, концептуальные результаты которой были и остаются противоречивыми. В современных грамматиках и монографиях, посвященных детальному рассмотрению частеречного статуса причастий, можно выделить два взаимоисключающих подхода и попытки объединить эти подходы в компромиссном решении: причастие или относят к системе глагола, или считают его частью системы имени прилагательного, или выделяют как самостоятельную часть речи. В рамках первого подхода грамматисты считают причастие вербойдом, то есть нефинитной глагольной формой, полагая, что наличие у причастия морфологических категорий рода и падежа не препятствует отнесению причастия к глагольным словоформам. Являясь нефинитной атрибутивной глагольной формой, причастие сочетает категориальные признаки глагола и прилагательного и объединяет значения действия и признака. В рамках второго подхода причастия относят к прилагательным. Так, например, В.В. Виноградов характеризует причастие как гибридную глагольно-прилагательную форму и помещает его после имени прилагательного. В попытках преодолеть слабости каждого из подходов некоторые исследователи предпочитают наделить причастие статусом самостоятельной части речи, обладающей особыми характеристиками в силу двойственности своей природы.

Наряду с работами, посвященными частеречному статусу причастий, существуют многочисленные исследования процесса адъективации (адъективизации, адъективирования) причастий, то есть лексикализации исходной причастной словоформы в функциональных условиях, свойственных имени прилагательному. Под лексикализацией понимается изменение категориального статуса и структурно-семантических характеристик слова, принадлежащего одной части речи, в результате его функционирования в синтаксических условиях, свойственных другой части речи. Очевидно, что об адъективации речь может идти исключительно в тех случаях, когда причастие рассматривается как грамматическая категория, относящаяся к системе глагола, или самостоятельная часть речи. Если же изначально рассматривать причастие как имя прилагательное, то вопрос об адъективации не стоит, а словоформы переходят «из процессуальной разновидности прилагательных в разряд качественных прилагательных» [Иванникова 1974, 303]. В данной статье не преследуется цель представить обзор возможных подходов к исследованию данной проблематики и решить проблему категориального статуса данного языкового явления. Обзоры возможных подходов и практических решений вопроса о частеречном статусе причастий приводятся в многочисленных диссертационных исследованиях и монографиях, посвященных данной грамматической категории. Однако даже беглое знакомство с наиболее значимыми из них позволяет сделать

вывод, что на данном этапе научного обобщения наличествующие теории отличаются противоречивостью, терминологической неоднородностью и перегруженностью. Такая своего рода дискуссионная избыточность существенным образом затрудняет лексикографирование причастий как в количественном, так и в качественном отношении.

Приведем несколько общих соображений, касающихся двойственной природы причастий и имеющих непосредственное отношение к их лексикографическому описанию. В современном немецком языке причастие второе обладает тремя различными функциями: входит в качестве неспрягаемой части в составные глагольные формы, используется атрибутивно и адвербиально. Функции причастия первого ограничиваются атрибутивным и адвербиальным употреблением. Вхождение причастия второго в состав глагольных форм, с одной стороны, и использование причастий в типичных атрибутивных позициях, с другой, обуславливают тот факт, что причастие находится в эпицентре действия двух разнонаправленных сил – лексикализации, то есть постепенного смещения и окончательного перехода причастных, то есть глагольных, словоформ в разряд прилагательных, и грамматикализации, опирающейся на использование причастий в глагольных формах и заставляющей причастие сохранять структурно-семантические характеристики глагола. Гибридная природа причастий, с одной стороны, способствует лексикализации словоформ в функциональных условиях, свойственных имени прилагательному, а с другой стороны, заставляет словоформу сохранять в своей семантической структуре значение процессуальности и темпоральной привязки. В семантике многих причастий происходит смещение акцентов то в сторону большей выраженности семантических компонентов, свойственных имени прилагательному и отражающих статичность и качественность признака, то в сторону таких компонентов, которые тесно связаны с их глагольностью и отражают процессуальность признака. Очевидно, что такая диффузная структура значения с трудом поддается объективизированному описанию, а следовательно, делает само описание отпричастных семантических образований зависимым от ментального видения субъекта. Именно такая двойственная природа причастий и заставляет исследователей находить аргументы как в пользу их глагольности, так и в пользу их адъективности, а противоречия обоих подходов порождают возможность трактовать причастие как самостоятельную часть речи.

Таким образом, «недостаточная теоретическая разработанность понимания природы причастия и процессов его переходности» является причиной того, что составители словарей не определили четких критериев подачи этого разряда слов в лексикографических изданиях [Сызранова 2012, 327]. Из трех выше обозначенных концептуальных подходов наименее

продуктивным для лексикографического описания представляется интерпретация причастий как глагольных форм. Строгая реализация такого подхода приведет к отказу от включения в словарь причастий как отдельных лемм, поскольку это противоречило бы лемматическому принципу лексикографического описания. Дело в том, что причастие, будучи интерпретированным как нефинитная глагольная форма, не может быть представлено как отдельная лемма и, соответственно, не подлежит семантизации. Именно поэтому различные словари вырабатывают свои компромиссные концептуальные решения, которые позволяют семантизировать причастие, соблюдая при этом лемматический принцип. Одно из таких решений получило широкое распространение в немецко-русской переводной лексикографии и представлено, в частности, в Большом немецко-русском словаре [НБНС 2008-2010]. В рамках этого решения словарная статья разграничивает различные функциональные условия употребления причастий, пользуясь понятием грамматической омонимии. Словарная статья, посвященная данной словоформе, фиксирует два функциональных омонима: причастие как нефинитную глагольную форму и его грамматический омоним «причастное», то есть отглагольное, прилагательное (*part adj*):

geschlossen I *part II om schließen* (sich) II *part adj* 1. закрытый; замкнутый; eine ~e Bebauung рядовая застройка, застройка без промежутков; ~e Eröffnung закрытое начало (*шахматы*); eine ~e Kochplatte герметическая электроплитка; ~e Sammlung, ~er Bestand закрытый фонд (*не дополняемый новыми поступлениями*); ein ~er Satz грам. законченное предложение; eine ~e Silbe фон. закрытый слог; ein ~er Touristenzug специальный туристский поезд; ein ~er Vokal фон. закрытый гласный; eine ~e Vorstellung закрытый спектакль [сеанс] 2. закрытый; сплоченный, сомкнутый; ~es Schussfeld воен. зона сплошного огня; ~ gegen das Projekt stimmen коллективно голосовать против проекта 3. единый, цельный; eine (in sich) ~e Persönlichkeit цельная личность.

Подобный лексикографический компромисс имеет одно важное преимущество, которое заключается в том, что выделение первого грамматического омонима, то есть причастия второго, позволяет уделить внимание производящему элементу семантического деривата, то есть отглагольного прилагательного. Однако, наряду с этим преимуществом, в словарной статье наблюдается явный перекокс в сторону второго омонима. Первый омоним никак не семантизируется, грамматические пометы не позволяют сделать никаких выводов относительно использования данного причастия в атрибутивных функциональных условиях, поскольку значение причастия не выходит за рамки категориальной семантики причастной словоформы. Кроме того, подобный компромисс заставляет говорить об отдельном часте-

речном образовании – отглагольном («причастном») прилагательном. При этом эта грамматическая категория не отличается от категории собственно прилагательного ни парадигматически, так как выражает признак предмета, ни синтагматически, так как используется преимущественно как препозиционное определение. Естественным образом возникает вопрос, не ведет ли такой лексикографический компромисс к навязыванию пользователю информации, отражающей не реальное функционирование языковой единицы, а скорее один из этапов теоретического осмысления ее частеречного статуса.

Если соотнести данное лексикографическое решение с вопросами, сформулированными выше, вырисовывается следующая картина. Отражая дискуссионность языкового явления, лексикографическое описание не способствует более детальной семантизации данной лексической единицы, а лишь перегружает пользователя информацией о возможных субъективных представлениях языкового факта. Слово должно семантизироваться в словаре не только как синтагматическая единица: словарь призван выстраивать и парадигматические отношения семантизируемого слова со словами аналогичного частеречного статуса. Маркируя функциональный омоним причастия второго как некое частеречное образование *part adj*, словарь указывает лишь на источник семантической деривации, но не выстраивает парадигматическую ось со словами, принадлежащими к части речи прилагательное, маркированными как *a* (прилагательное). Однако ни значения, ни приведенные в словарной статье иллюстративные примеры не предоставляют информации об основании дифференциации *part adj* (отглагольное прилагательное) и *a* (прилагательное) ни на структурно-семантическом, ни на функциональном уровнях. Учитывая преимущественное употребление данных словоформ в функциональных условиях, характерных для имени прилагательного, было бы более целесообразным отказаться от указаний на источник семантической деривации в пользу включения данных слов в парадигматическую вертикаль имени прилагательного, то есть, маркируя их как *a*:

geschlossen I *part II om schließen* (sich) II *a*...

Подобные грамматические пометы, с одной стороны, более соответствуют прикладному характеру двуязычного переводного словарного издания и запросам реципиента и, с другой стороны, не наносят ущерб его концептуальной академичности.

Спорный момент, который возникает в связи с предлагаемой организацией грамматических помет, связан с вопросом адъективации причастий. Такой лексикографический компромисс трактует все функциональные омонимы подобного рода как прилагательные, то есть фактически констатирует переход причастий в разряд имен прилагательных. Рассмотрим возмож-

ные преимущества и недостатки подобного теоретического допущения для пользователя двуязычного переводного словаря.

Причастие является полифункциональным образованием и обладает гибридной категориальной семантикой, выражающей как признаковость, так и глагольность. Сам характер признаковости причастий также не является однородным. Определяемый причастием в атрибутивной функции предмет может характеризоваться как получивший новый признак в результате определенного воздействия на него, совершенного ранее, или в случае изменения состояния самого предмета, произошедшего ранее (в случае с атрибутивным употреблением причастий от предельных глаголов). Такой признак носит процессуальный характер и имплицитно некое состояние, в котором находился предмет до воздействия на него извне или до наступления нового состояния. Так, например, в словосочетании *aufgewärmtes Essen* значение причастия подразумевает наличие некоего предыдущего состояния, которое характеризовало предмет до воздействия на него. В словосочетании *warmes Essen* такое предыдущее состояние не имплицитно, а не процессуальному признаку. Аналогичным образом соотносится и значение словосочетания с причастием от предельного глагола *das erkrankte Kind* со значением словосочетания *das kranke Kind*. В примерах с прилагательными признак мыслится субъектом статично как не имеющий темпоральной соотнесенности. Именно смещение акцентов в семантической структуре слова с процессуальности на качественность признака и является основанием для констатации факта перехода причастия в разряд прилагательных, то есть его адъективизации. Грамматическая помета *part adj*, от которой мы предлагаем отказаться при лексикографировании причастий, не только является указателем на направление деривации, но и констатирует наличие остаточного процессуального признака в семантической структуре слова, то есть навязывает пользователю определенный ментальный взгляд на языковые факты, который, с нашей точки зрения, выходит за рамки естественного антропоцентризма лексикографического описания. Снабжение многих отпричастных семантических образований подобными лексикографическими пометами привносит в семантическую структуру слова ненужный компонент значения, который, если и присутствует в ней, то реализуется далеко не во всех контекстах.

Рассмотрим в качестве примера лексикографическое описание причастия *geschlitzt*:

geschlitzt I *part II om* schlitzen II *part adj* 1. с разрезом, с прорезью; ~e Augen раскосые глаза; ~er Mantel [Rock] пальто [юбка] с разрезом 2. *mex.* с выемкой, шлицованный

Лексикографическая помета *part adj* заставляет пользователя вычленять значение слова согласно направлению семантической деривации

schlitzten → *geschlitzt* (*part II*) → *geschlitzt* (*part adj*), то есть навязывает ему определенное направление ментального взгляда с конечным представлением о том, что в значении причастного образования *geschlitzt* доминирует процессуальный семантический компонент. Однако подобная семантизация не соответствует той структуре значения, которая зафиксирована в толковых словарях. Так, Duden [DUDEN] толкует значение глагола *schlitzten* как *mit einem Schlitz versehen*, то есть толкует значение действия через его результат. Следовательно, для более успешной семантизации отпричастного семантического образования *geschlitzt* в переводном двуязычном словаре не следует делать акцент на отглагольном направлении деривации, поскольку семантическая структура данной словоформы включает не процессуальный признак, а признак статичный. Иными словами, *geschlitzt* – это не ‘тот, которого разрезали’, а ‘с разрезом’, причем в семантической структуре причастия не имплицитно предыдущее (неразрезанное) состояние. Перевод и иллюстративные примеры противоречат помете *part adj*, поскольку не содержат семантического компонента признака процессуального, а явно включают в деривационную цепочку имя существительное *schlitzten* ↔ *Schlitz* → *geschlitzt*. Может показаться, что помета *part adj* и не предполагает трактовки данного слова как исключительно причастия, подразумевающего процессуальный признак, однако само упоминание отглагольности («причастности») является лишним и не нужным пользователю, поскольку предмет не характеризуется через его отношение к действию. В семантической структуре описываемого слова отсутствует сема глагольности, а содержится сема признаковости относительного свойства, так как предмет характеризуется через его отношение к другому предмету (*Schlitz*). Слово *geschlitzt* может быть отнесено к разряду относительных прилагательных. Таким образом, лексикографическое описание данного слова может выглядеть следующим образом:

geschlitzt I *part II om* schlitzen II a 1. с разрезом, с прорезью; ~er Mantel [Rock] пальто [юбка] с разрезом; ~e Augen раскосые глаза 2. *mex.* с выемкой, шлицованный

В пользу такого оформления свидетельствуют и другие многочисленные причастия, образованные от нечастотных глаголов со значениями, близкими к терминологическим. Причастия узкоспециальных дискурсов, с точки зрения некоторых исследователей, не подвергаются адъективации, поскольку «адъективация – это процесс живого языка и не может протекать в такой искусственной, условной области языка, какой является терминология» [Калакуцкая 1971, 59]. Именно эта группа слов представляет особый интерес для заявленной проблематики, поскольку, исходя из этого теоретического соображения, подобные слова в словаре не могут быть снабжены пометой как имена прилагательные. Однако это допущение противоречит

фактам немецкого языка, в котором выделяется довольно обширная группа терминологически окрашенных отпричастных семантических образований, значение которых утратило семантический компонент признака процессуального в пользу признака статичного, то есть утратило темпоральный глагольный след в пользу качества, лишенной всякой темпоральной привязки. Производящие глаголы таких причастий являются существенно менее частотными, чем однокоренное имя существительное. Значение таких глаголов, как и глагола *schlitzen*, трактуется как *'mit einem Merkmal versehen'*. Например, *geschindelt* 'черепичный, покрытый черепицей' образовано от производящей основы глагола *schindeln* 'покрывать черепицей'. Очевидно, что сам глагол является вторичным по сравнению с именем существительным *die Schindel* 'черепица' как с этимологической точки зрения, так и с точки зрения употребительности. Так, согласно корпусу DWDS [DWDS], на 356 случаев употребления существительного *die Schindel* приходится всего пять случаев употребления глагола *schindeln*. Значение слова *geschindelt* 'черепичный, покрытый черепицей' не подразумевает наличия предыдущего состояния 'не покрытый черепицей' и выражает понятие качества через отношение к определенному предмету – черепице (*die Schindel*), то есть как значение относительного прилагательного. Следовательно, *geschindelt* не должно классифицироваться как *part adj*, поскольку указание на глагольную производящую основу ничем не способствует семантизации и может направить ее по ложному пути. *Geschindelt* должно быть снабжено пометой *a* (прилагательное):

geschindelt I part II om schindeln II a крытый черепицей, черепичный

Аналогичным образом не содержат процессуального признака в своей семантике прилагательные *geschirmt* 'экранированный, с экраном', *gespundet* 'шпунтованный, со шпунтом', *gewölbt* 'выпуклый, сводчатый, со сводом', *gespornt* 'со шпорами', *gestielt* 'с ручкой', *gestempelt* 'со штемпелем', *gesprenkelt* 'в крапинках, с крапинками, пятнистый', *gestrichelt* 'штрихованный, со штриховкой; пунктирный', *gestuft* 'ступенчатый', *getäfelt* 'с панелями, обшитый панелями', *getrüffelt* 'с трюфелями', *getüpfelt* 'в точках, в крапинках', *gewalmt* 'двускатный', *gewandet* 'облаченный, в одеждах', *gewellt* 'волнистый, гофрированный', *gezackt*, *gezähnel*, *gezahnt* 'зубчатый, с зубцами' и т.д. Значения всех этих прилагательных объединяет отсутствие семантического компонента процессуального признака и наличие признака относительного, соотносящего характеристику не с действием, а с предметом.

Таким образом, группа таких семантических образований, которые вследствие своих узких, а отчасти и узкоспециальных значений, должны бы демонстрировать наименьшую склонность к адъективизации, демонстрирует обратное. Снабжение их грамматической пометой *a* (прилагательное)

вместо *part adj* (отглагольное, «причастное», прилагательное) не искажает языковой действительности. Грамматическая помета *a* указывает на доминирование в семантической структуре слова непроцессуального признака, то есть в должной мере способствует семантизации подобных слов.

Преимущества такого способа лексикографирования указанной группы слов подтверждаются также следующими соображениями. В немецком языке существуют слова, образованные при помощи префикса *ge-* и суффикса *-t*, то есть партиципальных словообразовательных элементов, но не от глагольной, а от именной производящей основы. Речь идет о таких псевдопричастиях, как *gesippt* 'связанный узами родства (с кем-л.), родственный (кому-л.)', *gesinnt* 'благонравный, вежливый', *gesockelt* 'цокольный, с цоколем', *geschwänzt* 'хвостатый, с хвостом (о животных, мифологических существах)', *geschweift* 'хвостатый (о небесных телах с метеорным следом)', *gesprüet* 'с добавлением спирта', *gestirnt* 'усеянный звездами, в звездах', *gestromt* 'мраморный (об окрасе собак, кошек)', *getrost* 'спокойный, уверенный', *geviert* 'четырёхугольный, квадратный', *gezweigt* 'разветвленный', *gestaubt* 'посыпанный мукой' и т.д. Общей чертой таких слов является отсутствие однокоренного глагола, а следовательно, любого основания трактовать их как отглагольные прилагательные. К этой группе слов примыкают другие псевдопричастия, имеющие однокоренной глагол, который, однако, в силу своего значения и грамматических характеристик не может рассматриваться как исходная точка деривации. Так, например, прилагательное *getigert* соотносится с однокоренным глаголом *tigern*, который, согласно Duden и DWDS, имеет два значения. Первое – *mit einer an ein Tigerfell erinnernden Musterung versehen* – снабжено пометой *selten*. Ни в одном из корпусов не обнаруживаются примеры на употребление спрягаемых форм глагола в данном значении. Очевидно, что глагол *tigern* с соответствующей парадигмой спрягаемых форм существует в языке исключительно в значении *irgendwohin, zu einem oft weiter entfernten Ziel gehen, marschieren*, тогда как первое значение было выведено искусственным путем на основании существующего прилагательного *getigert*. Это прилагательное не может быть образовано от глагола *tigern* в единственном существующем значении, поскольку этот глагол обладает другой семантикой, не является переходным и не относится к глаголам перехода из состояния в состояние.

Аналогичные взаимоотношения с однокоренными глаголами, которые могли бы претендовать на роль производящих основ, но таковыми не являются, наблюдаются у целого ряда имен прилагательных с партиципальными словообразовательными элементами. Прилагательное *gestelzt* 'напыщенный, выпендренный, высокопарный, ходульный' соотносится с переходным непредельным глаголом *stelzen* 'ходить на ходулях, держать себя неестественно', который не может быть, согласно своим грамматическим

признакам, производящей основой. Очевидно, что производящей является именная основа существительного *die Stelze* 'ходули', что позволяет говорить об отсутствии всякого глагольного процессуального следа в структуре значения имени прилагательного *gestelzt*. Таким же образом соотносятся прилагательное *gestieft* 'в сапогах' с глаголом *stiefeln* 'шагать, идти большими шагами' и именем существительным *der Stiefel* 'сапог', прилагательное *gestreift* 'полосатый' с глаголом *streifen* во всех его значениях и именем существительным *der Streifen* 'полоса' и т.д.

Снабжение слов типа *geschlitzt*, *gewölbt*, *geschirmt*, *gestuft* и т.д. грамматической пометой *a* (прилагательное) позволит выстраивать парадигматические отношения с прилагательными типа *getigert*, *gestelzt*, *gestirnt*, *geschwänzt*, то есть с такими прилагательными, у которых отсутствует глагольная производящая основа. Построение парадигматических отношений в этом случае опирается на общую частеречную принадлежность на основании общего для всех слов такого рода категориального значения признака и функционирование в условиях, свойственных имени прилагательному.

Перейдем теперь к более многочисленной группе слов, лексикографирование которых вызывает особые сложности. Это отпричастные семантические единицы, образованные преимущественно от переходных глаголов, выступающие в типичных атрибутивных позициях и обладающие сложной семантической структурой, в которой, как правило, значение признака процессуального и признака статичного, непроцессуального представлены в разной степени. Максимальная степень выраженности второго признака является основанием для констатации лингвистами факта полной адъективизации причастия. Способность глагольной основы образовывать адъективированные причастия, то есть прилагательные, обусловлена несколькими факторами, главными из которых можно считать ее семантические свойства, например, многозначность производящего глагола и его употребление в переносном значении.

Среди таких причастий четко выделяется группа слов, в семантической структуре которых имплицитно не представлено наличие некоего предыдущего состояния, а, следовательно, утеряна семантическая составляющая процессуального признака в пользу признака статичного. Рассмотрим пример лексикографического описания слова *geschlossen*, приведенного выше. Все иллюстративные примеры, семантизирующие слово и предоставляющие информацию о типичных контекстах его употребления, свидетельствуют в пользу грамматической пометы *a* (прилагательное). Слово *geschlossen* имеет значения 'закрытый, замкнутый, сплоченный, сомкнутый', в которых не представлено остаточное значение действия, совершенного над объектом. Данные признаки мыслятся как статичные состояния или свойства. Так, например, *eine geschlossene Bebauung* 'рядовая застройка,

застройка без промежутков' – это не застройка, которая находилась изначально в другом состоянии и была позднее «застроена» («закрыта»); *eine geschlossene Kochplatte* 'герметическая электроплитка' – это бытовой прибор, которому изначально присущ признак герметичности; прилагательное *geschlossen* в словосочетаниях *eine geschlossene Sammlung* 'закрытый фонд' и *ein geschlossener Touristenzug* 'специальный туристский поезд' характеризует соответственно предметы 'фонд' и 'туристский поезд' не как объекты, над которыми было совершено некое действие. Аналогичные наблюдения очевидны и применительно к другим иллюстративным примерам (*ein geschlossener Satz* 'законченное предложение', *eine geschlossene Silbe* 'закрытый слог', *eine geschlossene Vorstellung* 'закрытое представление'). Процессуальность признака, предполагающего наличие предшествующего состояния, тем более не просматривается в примерах с переносным значением слова, например, в словосочетании *eine geschlossene Persönlichkeit* 'цельная [самодостаточная] личность'.

Аналогичную семантическую структуру обнаруживают и такие слова, как *geschieden* 'разведенный', *geschlechtsgebunden* 'зависящий от пола', *geschraubt* 'напыщенный, натянутый, неестественный', *gesetzt* 'степенный, солидный', *gespannt* 'натянутый, напряженный', *gesprachen* 'устный, разговорный', *gestaffelt* 'ступенчатый, дифференцированный', *gestählt* 'крепкий, закаленный', *gesteckt*, *gestopft*, *gespickt* 'битком набитый', *gesteigert* 'повышенный, большой', *gestellt* 'постановочный', *gestanden* 'опытный, зрелый', *gesucht* 'изысканный, вычурный', *gewachsen* 'сложившийся, устоявшийся', *gewiegt* 'опытный, ловкий', *gewinkelt* 'изогнутый углом', *gewitzt* 'умный, опытный, хитроумный', *gewunden* 'извилистый, изогнутый; витиеватый', *geziert* 'жеманный, манерный, неестественный', *gezwungen* 'принужденный, натянутый, неестественный' и т.д. Данная группа слов характеризуется полным отсутствием глагольного следа в семантической структуре, как, например, в случаях с прилагательными *gesetzt* 'степенный, солидный', *gestanden* 'опытный, зрелый', *gewitzt* 'умный, опытный, хитроумный', или его минимальным присутствием, как, например, у прилагательных *gesprachen* 'устный, разговорный', *gestaffelt* 'ступенчатый, дифференцированный', *gewunden* 'извилистый, изогнутый; витиеватый'. Сокращение вплоть до полного исчезновения глагольного следа, то есть выраженной процессуальности и темпоральной зависимости признака, происходит не только благодаря активному употреблению производящего причастия в переносном значении, но также благодаря семантике самой глагольной основы, которая часто выражает не конкретное действие, а свойство или состояние или же отличается большой полисемией. В этой связи весьма красноречивым является попадание в такую группу прилагательных *gestanden* и *gesetzt*, если принять во внимание весьма богатую семантику производящих основ *stehen* и *setzen*.

Таким образом, снабжение вышеуказанных слов грамматической пометой *a* (прилагательное) не искажает языковой действительности, а отражает структурно-семантические характеристики этих слов.

Наиболее проблематичным, а, следовательно, требующим особенно пристального внимания, представляется лексикографирование слов, в семантической структуре которых глагольный след представлен в достаточной степени, то есть ощущается говорящим и должен быть отражен в переводе. Подобные слова составляют не самую многочисленную группу. Так, из 115 «причастий», полученных методом сплошной словарной выборки, к этой группе можно отнести всего 42 единицы, то есть около 37 %. Многие из них, помимо значения признака, являющегося результатом конкретного специального действия, развивают переносные значения. Их семантическая структура по мере развития переносных значений теряет глагольный след. Так, например, слово *geschmalzen* имеет следующие значения: 1. приготовленный с добавлением жира [смальца]; приправленный жиром [смальцем] 2. бав., австр. разг. смачный, сочный (напр. об *оплеухе*) 3. бав., австр. разг. неслабый (о *крупной денежной сумме*, напр. о *гонораре*, *ценах*). Очевидно, что глагольный след представлен в ощутимой степени только в первом значении. Во втором и третьем значениях семантический компонент процессуальности признака полностью отсутствует. Таким образом, только в первом значении слово может претендовать на статус *part adj*, то есть специфического частеречного образования с систематической реализацией семы процессуального признака. Однако даже в первом значении слово *geschmalzen/geschmalzt* практически утратило способность иметь при себе зависимые слова, то есть потеряло семантическую валентность производящего причастия. Следовательно, и в этом конкретном случае грамматическая помета *a* не затруднит, а облегчит семантизацию словарной единицы и характеристику ее употребления и не будет искажением языкового факта.

Аналогичным образом дело обстоит и с лексемой *gestaut*, имеющей значения 1. *тех., гидр.* запруженный, подпертый (напр. об *уровне озера*) 2. скопившийся, стремящийся вырваться на поверхность. Согласно словарной статье, второе значение иллюстрируется примерами *gestaute Aggressionen* 'накопленная агрессия' и *gestaute Emotionen* 'подавленные [сдерживаемые] эмоции'. Варианты перевода отпричастного семантического образования в его переносном значении отражают размытость глагольного следа, а само образование как в первом, так и во втором значении опять-таки утрачивает исходную причастную семантическую валентность, то есть употребляется как прилагательное без управляемого слова.

Семантическая структура и характер развиваемых значений слов, относящихся к группе с ощутимым глагольным следом, весьма неоднородны. В этой связи показательными являются значения отпричастного семантиче-

ского образования *gestochen*: 1. колотый 2. гравированный 3. (сверх)точный; аккуратный; резкий (о *фотографии*). Очевидно, что в отдельных значениях наблюдается различная степень выраженности глагольного следа. В третьем, переносном, значении семантический компонент процессуальности признака представлен минимально. Варианты перевода 'сверхточный; аккуратный; резкий' вообще не содержат и следа процессуальности и темпоральной обусловленности признака, значимых для пользователя. Означает ли это, что словарь в этом случае должен констатировать наличие еще одного функционального омонима? Ведь именно подобные примеры, возможно, заставят усомниться в преимуществах грамматической пометы *a* (прилагательное) перед *part adj* (отглагольное, «причастное», прилагательное). В этом случае словарная статья выглядела бы следующим образом:

gestochen I *part II om* *stechen* II *part adj* 1. колотый 2. гравированный III *a* (сверх)точный; аккуратный; резкий (о *фотографии*)

Подобная организация словарной статьи, возможно, и является наиболее точно отражающей языковую действительность. Однако примеры, иллюстрирующие отдельные значения, опять-таки свидетельствуют в пользу диффузности семантической структуры слова и невозможности четкого разграничения интересующих нас структурно-семантических характеристик. В этой связи представляется невозможным точное разграничение и фиксация в словаре лексико-семантических вариантов и/или функциональных омонимов с точки зрения степени присутствия или полного отсутствия в их семантике глагольного следа. Каждый конкретный пример употребления по-своему реализует потенциал семантической диффузности причастия, смещая акценты в сторону процессуального или непроцессуального признака. Переводной двуязычный словарь вынужден фиксировать отдельные значения при помощи перевода и иллюстративных примеров, каждый из которых по-разному отражает семантический потенциал лексикографируемого слова. Так, например, первое значение 'колотый' может иллюстрироваться примером *eine gestochene Wunde* 'колотая рана' и идиомой *glotzen [gucken] wie ein gestochenes Kalb* 'уставиться как баран на новые ворота' (букв. уставиться как теленок, которого режут); третье значение, маркированное в пробном варианте словарной статьи как функциональный омоним (прилагательное) благодаря полной адъективизации производящего причастия, можно проиллюстрировать примером *eine fein gestochene Note* 'точно взятая нота'. Очевидно, что эти примеры отличаются различной степенью присутствия глагольного следа в структуре значения. 'Колотый' в словосочетании 'колотая рана' отражает скорее качественные характеристики раны, нанесенной колющим предметом, то есть скорее характеризует предмет как прилагательное, тогда как пояснительное слово 'точно' в словосочетании 'точно взятая нота' усиливает глагольный след и сближает прилагательное

с производящим причастием. Подобная путаница, обусловленная противоречиями между грамматическими пометами, сопровождающими функциональные омонимы, и иллюстративными примерами, недопустима в словаре и существенным образом усложняет усвоение словарной единицы пользователем. Именно отпричастные семантические образования отличаются большой пестротой и диффузностью, затрудняющей лексикографирование.

«Слово как единица речи в использовании или в определенном контексте имеет только одно значение и обычно выполняет только одну грамматическую функцию. Слово единица языка, или как словарная единица, относящаяся к определенной части речи, объединяет и содержит в себе в качестве потенции все свойственные ему в разных контекстах и случаях его использования значения и функции» [Аничков 1968, 126]. Следовательно, словарная статья должна предложить пользователю в качестве компромиссного такое лексикографическое решение, которое бы максимально полно отражало семантическую диффузность, лежащую в основе большого функционального потенциала отпричастных семантических образований. Использование в одной словарной статье, описывающей такую единицу, как грамматической пометы *part adj*, так и пометы *a*, как в приведенном выше пробном варианте, навязывает пользователю лишнюю концептуальную информацию и противоречит самой сути семантической диффузности отпричастного образования, сводя ее к простому набору разнохарактерных составляющих. Дело в том, что диффузность предполагает размытость, взаимопроникновение семантических компонентов, а не их механическое присоединение друг к другу. Учитывая неоднородный характер призначности как категориального значения имени прилагательного, использование грамматической пометы *a* (прилагательное) является с нашей точки зрения более удачным компромиссным решением даже применительно к словам с осязаемым глагольным следом. Рассмотрим, например, отпричастное семантическое образование *gesperrt*, в значениях которого присутствует процессуальный признак, имплицитно предвещающий предыдущее состояние характеризуемого предмета 'закрытый, загороженный, перекрытый; заблокированный'. Однако степень присутствия этого признака по-разному проявляется в иллюстративных примерах *ein gesperrtes Konto* 'заблокированный счет' и *ein gesperrter Schwimmer* 'дисквалифицированный пловец'. По-разному отражают степень присутствия глагольного следа приведенные варианты перевода (ср. 'закрытый' и 'загороженный'). Отнесение отпричастного семантического образования *gesperrt* и аналогичных слов к разряду прилагательных имеет некоторые преимущества. Во-первых, это позволяет выстроить парадигматические отношения с другими именами прилагательными, в том числе отпричастного происхождения, (например, *geschlossen*), употребляемыми преимущественно в функции препозиционального определения.

Во-вторых, это позволяет отразить семантическую диффузность лексикографируемого слова с помощью разнохарактерных иллюстративных примеров и вариантов перевода. В-третьих, такое решение никоим образом не затруднит идентификацию собственно «причастных» словоупотреблений. Последние подразумевают вхождение данного слова в состав причастного оборота с реализованной глагольной валентностью, поскольку подобные словоупотребления относятся к системному и категориально обусловленному использованию причастий, а, следовательно, имплицитно относятся к той зоне словарной статьи, которая посвящена первому грамматическому омониму (*part II om sperten*).

Подобный лексикографический компромисс предполагает и существенное количественное сокращение словарных единиц причастного происхождения. Из словаря по возможности должны быть изъяты причастия, образованные от некоторых глаголов, обозначающих специальное действие, и имеющие только одно значение, полностью совпадающее с категориальным значением причастия как глагольной формы. Так, например, представляется нецелесообразным включать в переводной немецко-русский словарь отдельными леммами *gesprüht* 'распыленный', *gestrandet* 'потерпевший кораблекрушение', *getankt* 'заправленный', *getarnt* 'замаскированный', *geteert* 'просмоленный', *getauft* 'крещеный' и аналогичные слова на основании того, что их значения идентичны категориальному значению причастия как глагольной словоформы, а, следовательно, выводится из семантики производящей основы. Причастия с одним переносным значением включать в словарь нецелесообразно, если только они не отличаются каким-либо интересным употреблением, как например, причастие *gestriegelt* 'начищенный до блеска', употребляемое, в частности, в составе идиоматического выражения *gestriegelt und gebügelt* 'с иголочки'.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что предложенный способ лексикографирования отпричастных семантических образований является компромиссным и не должен отождествляться с попыткой решения вопроса о частеречной принадлежности причастий. Членение словарной статьи на два функциональных омонима (*I part II* от соответствующего глагола *II a*) отражает все словоупотребления причастия как в функциональных условиях, свойственных ему как глагольной форме, так и в функциональных условиях, свойственных имени прилагательному. Употребление собственно причастий в их грамматической функции и в функции препозиционального определения, в том числе и с зависимыми словами на основе глагольной валентности, отражено в первой части словарной статьи. Второй функциональный омоним *a* (прилагательное) охватывает те случаи словоупотребления, в которых лексикографируемая единица проявляет свои гибридные свойства и реализуется в значениях с разной степенью присутствия гла-

гольного следа. Если значение первого функционального омонима не выходит за рамки категориального значения причастий и поэтому не требует ни перевода, ни иллюстративных примеров, то второй омоним отличается намного более богатой семантикой. Именно поэтому вторая часть словарной статьи требует и вариантов перевода, отражающих различную степень присутствия глагольного следа, и иллюстративных примеров, которые также должны способствовать семантизации отпричастного образования. Представленный подход также даст возможность отказаться от особого частеречного образования *part adj.* Эта грамматическая помета в немецко-русском переводном словаре является явно лишней и даже может ввести в заблуждение, поскольку отражает направление семантической деривации, а представленные варианты перевода и иллюстративные примеры часто документируют семантику лексикографируемой единицы как не имеющую глагольного следа. Информация о направлении деривации является лишней в словаре не этимологического, а двуязычного переводного статуса. Кроме того, подобный лексикографический компромисс позволит вывести отпричастные семантические образования за рамки глагольной обусловленности и включить их в общую парадигму имен прилагательных. Это является явным преимуществом, поскольку отпричастные семантические образования расширяют свою семантическую структуру и развивают новые значения, расширяя и дополняя именно семантические компоненты признаковости.

Приведенные соображения доказывают, что грамматические пометы, требующие поиска компромисса, являются одним из наиболее интересных примеров возможной субъективации лексикографического описания. С нашей точки зрения, поиск наиболее оптимального решения в подобных случаях должен производиться, исходя из прикладных интересов и удобства адресата. Понимание антропоцентризма как ориентации на адресата при создании словаря в данном случае реализуется за счет попытки максимально объективировать проявления субъективного взгляда лексикографов, который, в случае с пометой *part adj.*, отражал не столько объективный результат научной дискуссии, сколько многочисленные точки зрения на ее современной стадии.

Литература

- Аничков И.Е. Можно ли считать проблему частей речи решенной? // Вопросы теории частей речи. М., 1968. С. 116-129.
- Иванникова Е.А. О так называемом процессе адъективации причастий / Е.А. Иванникова // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 279-304.
- Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., 1971.

Сызранова Г.Ю. Субстантивированные причастные формы и проблема из лексикографирования // Вектор науки ТГУ. № 4 (22), 2012. С. 325-327.

Словари

- НБНС – *Новый большой немецко-русский словарь*. В 3 т.: около 500 000 лексических единиц / под общим руководством Д.О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2008-2010.
- DUDEN online [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duden.de/>
- DWDS – *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Schindel>